

*Современная поэзия
Санкт-Петербурга*

ДАВИД РАСКИН

ЗАПОЗДАЛЫЕ СООБЩЕНИЯ

Стихи 1988 – 1998 гг.

Санкт-Петербург

Омск

1998

ББК 84(2=Рус) 6-5

P242

Современная поэзия

Санкт-Петербурга

Раскин Д.И. Запоздалые сообщения: Стихи. / -Омск: издательство
ОмГПУ, 1998. – 47 с.

N ISBN 5-8269-0199-9

© Раскин Д.И., 1998

1.

РАЗЪЕДАЮЩИЙ ПРИВКУС ПРОЩАНИЯ...

Черной глиною осень замешена круто.
Отчужденье, изгнание, бегство, смута
Завязались пожизненным, вечным узлом.
Но порядок слов в лексиконе затертом
Обретает смысл лишь post factum, post mortem.
И плывут облака над Царским Селом.

Почему же сохнут в ручке чернила?
Даже внятность речи тебе изменила,
И как будто нечего больше сказать.
Да и к действию нет ни привычки, ни воли.
И, в конечном счете, не все равно ли,
Что в набросках умрет, что проникнет в печать?

Все равно любой черновик неудачей
И бессилием пахнет, как пруд стоячий
Или запертый шкаф для секретных дел.
От музейных задворков несет рогожей.
Нежеланный гость, случайный прохожий
Задержался, замер, заледенел.

Только город и пригород, вся перспектива,
Перекресток всего, чем сознание живо,
Стал отныне и, видно, останется впредь
Пустырем, где лишь ветер, дождь и простуда,
Местом гиблым и выморочным, откуда
Можно лишь уехать, уплыть, улететь.

Измениться? - На это и сил не станет.

И уже не соблазном - тревогой тянет
Ледяной сквозняк в приоткрытую дверь.
А уйти легко, но за этим отказом
От себя самого - не вмещает разум
Всей возможной суммы твоих потерь.

Ни родства, ни прибежища, ни оплота.
Словно выпал туман на поверхность болота
И никак не рассеется до сих пор.
И поэтому старые флаги линяют
Над вокзалом и почтой, а лес роняет
Свой багряный, свой хрестоматийный убор.

Как синеватая скрепка из нержавеющей стали,
Дельта имперской реки. Как канцелярская скрепка,
Декоративная даль. Все, кто пришел, - опоздали -
Выбелен каждый изгиб гипсовым инеем слепка.

Не виновата крупнозернистая тяжесть гранита,
И не враждебно песочное, рыхлое тесто бетона.
То, что успел рассмотреть, как выставка, было открыто,
Но закрывают сезон. И отсрочка уже незаконна.

Не утомляет прощание, не надоеет возвращаться
К этой излюбленной сцене, пригодной для пышных трагедий.
Все-таки был совершенен этот подбор декораций,
Камня, воды, позолоты, охры, гранита и меди.

Все-таки что-то и мы значили в этом наборе,
Что-то успели сказать и что-то заметить успели.
Но застывает равнина, тянет забвением с моря
И покрываются инеем цоколи и капители.

Словно какую-то запись на стол, под стекло положили
И откидной календарь медленно перелистали.
Все покоряется зимней непререкаемой силе,
И беспощаден зажим витка нержавеющей стали...

Клейкая лента,
Жирная, полупрозрачная, прилипла коротким обрезком
К вылинявшим обоям. Темным пятном
обозначается след
Сдвинутой мебели. Мертвая тишина.
Пыльной бумагой, как правило, пахнет итог
Прожитой жизни. Словно кусок штукатурки,
Падает под ноги время.

Все, что становится мусором, останется безымянным.
А за спиной - неизбежность. Краска. Побелка. Ремонт.
Острый, как лак, разъедающий привкус прощанья.
Рыхлый и цепкий цемент.
Грязью изгнания или исхода
Стала тяжелая скорлупа
Обитания, так что дрожат и слипаются в клочья волокна
Растревоженной паутины. Да и, в конце-то концов,
Что бы там ни имелось в виду, что бы ни затевалось,
А остаются объедки, крошки, клочки и обрывки,
Клейкая лента на голой стене.

Как пар из термоса на пригородной лыжне,
Как снежный куст у кромки залива, - возник
Расплывчатый образ речи, которую не вполне
Успел осознать, которую словно извне
Воспринимаешь. Но шепот легко переходит в крик.

Бывало, слепая мысль, опериться еще не успев,
Вспорхнет, нарушая синтаксис. И знаешь, что это - ты.
Потом примешается к ней чужой перепев,
Несходство и ненадежность вызовут гнев,
Но некогда добиваться точности и полноты.

Бывало, проснешься с похмелья, и вчерашняя суета
Не кажется привнесенной, заданной наперед.
Как будто читал и пытался переводить с листа
Иноязычную книгу. Лишь мутное чувство стыда
Осталось в итоге. Неточен твой перевод.

Бывало и больше не будет. Лыжня к ледяным кустам
Выводит. И город, и мир - в одном морозном дыму.
За ясность расплатишься смыслом, за смысл - свободой, а там
Помимо тебя уже все расставлено по местам,
И лишь не осталось места тебе самому...

Все воспоминанья - тщетные попытки.
Запах почты, как всегда, тягуч.
Только бандероли, марки и открытки
И расплавленный сургуч.

Ничего другого здесь и не найти нам:
Ни к чему нас век не привязал.
Жеваной бумагой, клеем, пластилином,
Отрочеством пахнет зал.

Жизнь свою с повесткой или телеграммой
Сравнивай, неясно чем гордясь.
Только самой брэнной, ненадежной самой
Вещью стала, видно, связь.

Остается почта - крепкая обитель
Самомненья. Словно век назад -
Канцелярский запах, робкий отправитель,
Равнодушный адресат...

Духовые оркестры у станций метро...
На тычке, у цветочных ларьков
Медь хрипит, мельхиором звенит серебро
И пузырячатый воздух суров.

Эта дряхлая музыка с детства слышна
И, как лень, раньше нас родилась.
Почему же теперь нагнетает она
Между нами и временем связь?

Не воскреснуть прекрасной былой суете,
Не отпрянуть течению вспять.
Здесь и воздух не тот, и гулянья не те,
И проходим другими не стать.

На три четверти счет. Два десятка зевак.
Замерзает в Смоленке вода.
Но и город, и годы звучали не так,
Да и не было их никогда.

Начинает бесцветное небо темнеть.
Постепенно пустеет вокруг.
Лишь скулит на морозе усталая медь
И слюна забивает мундштук...

Напоминает о юге темная медь кипарисов.
Соломенные холмы присыпаны угольной крошкой.
Ночью гудки поездов, как телефонный вызов,
Обозначают отсутствие абонента.
Нет никого. Пустота мерцает лунной дорожкой.
Жирная ночь блестит, как магнитная лента.

Под сероватым налетом йодистой соли
Медленно остывает каменная подкладка
Пестрого побережья. Нет ни желанья, ни воли
Что-то менять. Мы сами себя приравняли
К мелким подробностям жизни. Исчерпаны без остатка
Все толкования наших скупых маргиналий.

Ночь в полосе отчуждения. Россыпи мелкого щебня.
Двигается только вагон. Железнодорожное время
Не совпадает с природным. Стала еще враждебней
Спящая толща страны. С толпами на вокзалах,
Воле бессонных касс - словом, вместе со всеми
Чуть ли не жизнь прожита. И все-таки жаль запоздалых

Выводов... Если бы знать... Ночь подстиляет солому,
Дышит пылью и солью, металлом и шлаком.
Благодаря протяженности, площади и объему
Жизненного пространства есть еще точка покоя:
В плотно прикрытом купе, под успокоительным мраком,
И в отговорке сквозь сон - «бывало и не такое»...

Вырвана с мясом мембрана из телефонной трубки.
Оледеневший ток застыл в проводах колючих.
Цепь разомкнулась. Оборваны все привычки.
Сковывает намеренья и отменяет поступки
Низкое небо в хлопчато-угольных тучах,
Ветер, настолько резкий, что не зажечь и спички.

Но почему так знакомо, но, все-таки, почему же
Так предсказуемо все, что даже не страшно,
Только привычные связи вырваны с мясом?
Стягивает в один узел все туже и туже
Все обстоятельства - мысль, что это - неважно.
Медленно время ползет, словно очередь к кассам.

И достояться нельзя - не успеешь до перерыва.
Кончится все до закрытия - хлеб, чернила, свобода.
Да и никто не даст того, что взять не успели,
И не простит долги, и не выпрямит то, что криво,
И не спасет от соблазна толпу у входа,
И не подскажет ни средства, ни направленья, ни цели.

1991 год.

1.

Щелчками счетчика, скрипучим, тугим поворотом
Тумблера на хромированной панели,
Скалярными величинами, необратимым счетом
Продолжилось наше время. Мы даже понять не успели,

Что все случилось всерьез. Трехцветными флагами воздух
Окрашен, как после грозы. И радужный запах озона
Смешался с запахом гари. В бетонных гнездах
Флагштоки топорщатся. Ржавеет тяжесть закона

На груди забытой, изогнутой, брошенной арматуры.
Настали будни. Наутро разобраны баррикады.
Прежние разговоры, долгие перекуры...
Но предстоят другие обычаи и обряды.

Краски предписаны. Исподволь, мало-помалу,
Чувствуешь невесомость, словно спускаешься в лифте.
Все - по закона геральдики - только финифть по металлу
Или, если угодно, металл по финифти.

2.

Клюквенным или арбузным соком, подтаявшим гримом
Истекает пространство, разрезанное по живому.
Пахнет подтекшим мясом, старым, осевшим дымом,
Плотью, подобной тесту, рыхлому, дрожжевому.

Все еще дышат окраины тяжестью и несвободой:
Бензозаправки, склады, ремонтные мастерские...
Каждый номер автобуса: третий, седьмой или сотый -
Все еще тянет пряжу, вяжет судьбы людские.

Лиговка, Гавань, Коломна, Купчино, Пискаревка
Пахнут наследством державы - потом и перегаром.
Розданы карты... В костях сидит былая сноровка
Переносить нужду, приспособливаться к ударам..

Где мы теперь живем? В какой стране безымянной?
Злостью, надеждами, хитростью, недоумением дышат
Наши вокзалы. Хранимы привычкой, небесной манной,
Вечным брожением, словно и сок до конца не выжат...

В оттаявших лужах стоит вода.
Полжизни прошло под мелким дождем.
Еще полжизни прошло в тени.
Залив, очищенный ото льда,
Спокоен, как и любой водоем,
Не тронутый ветром. Настали дни
Томления, влажности и пустоты.
Еще на приколе речные суда,
Еще по ночам не разводят мосты.

Как будто в командировке, прошла
Вся жизнь. Никому не нужен отчет.
Достаточно только приезд и отъезд
Отметить. Убрать календарь со стола.
А вязкое время по капле течет.
И, кажется, перечислять надоест
Все пункты прибытия. Стерта печать
Подмена слов с переменной мест
Съедает значения. Стоит начать -

К исходной точке вернется любой
Порыв, любой решительный шаг,
Любая, взятая наперед,
Попытка остаться самим собой, -
Условный, не слишком удачный знак
Того, что усталость свое берет,
Отсюда - неточности. Годы подряд
Одна неустойчивость и разброд,
Царапины неудач и утрат.

Пока холодный и мокрый апрель
Завис без движения, всякий итог -
Хоть подводи, хоть не подводи -
Лишается смысла. Всякая цель
Растаяла. Кажется, из-под ног
И почва уходит. Итак, впереди
Лишь смена дат, холостой пробег.
Смешались свои и чужие пути,
И пенится грязью растаявший снег.

Нищенская блок-флейта в подземном переходе
Плачет о невозможном фальшиво и нарочито.
Вместе с дыханием жизнь убывает по асимптоте,
Но ни одна из возможностей все еще не закрыта.

Станциями метро, отсчетом десятилетий
Не насыщается прошлое. Это ведь только для виду
Камни вздыхают, скулят старики и дети
И выставляет толпа напоказ нищету и обиду.

Не был и не участвовал, но награжден так щедро,
Против желания и, конечно, не по заслугам,
Светом и темнотой, тягой подземного ветра,
Цепью бесчисленных дней, пробегающих друг за другом...

2.

СТЕРТЫЕ ФАЙЛЫ

Прошлые годы, стертые файлы, тусклый экран.
Как ни старайся, трепещут лишь имена,
Лишенные первых букв. Холод и дрожь
Припоминания не возвращают к себе.
Все, что было записано, все, что пришлось забыть,
Так и зависло. Только табачный дым
Двигается, поднимаясь к низкому потолку.
Лишь синева прошлогоднего снега блестит
В сумерках, лишь иссякает прежний порыв
Вечно копировать самого себя.
Лишь равнодушно синееет пустое окно.
Лишь умолчанием обозначается вся
Воля к существованию. Выбор еще тяготит,
Но по привычке... На самом деле покой
Не гарантирован. Остывающий пепел ждет,
Чтобы смешаться с пылью. Прозрачная ночь
Перемещается к югу, где спят в земле
Поля погребальных урн...

Дольше всего остается в памяти вкус табачного дыма.
Чаще всего повторяются в жизни холод и страх показаться
Слабым или смешным. Прочее слишком неповторимо
И начинается с новой страницы или абзаца.

Пахнут неопределенностью все новые каталоги.
Жалок избыточный шум. И нет никакого сходства
С тем, что было тобой, ни в тексте, ни в слове, ни в слоге.
Только словарь и синтаксис имеют права первородства.

В жизни давно уже ничего не происходит, однако
Есть удовольствие в сдаче на милость случайностям и в отказе
От формул счастья, неточных, начиная с первого знака,
От объяснений, избыточных и сбивчивых в каждой фразе.

Стихающий ветер времени посвистывает в щели
Рассохшейся рамы. Период полураспада
Сознания не сократишь и не удлинишь.
Все окна и все отражения медленно перешли
В мутную оболочку. Уже не надо
Ни встраиваться в порядок, ни выдаваться из ряда,
Ни занимать ни одну из пустующих ниш.

А если кроме судьбы и причинно-следственной связи
Лучшего объяснения выдумать так и не смог, -
Пусть и останется все, как было, необъясненным.
Мелочи и подробности не нуждаются в пересказе.
Ясность и понимание - только предлог
Для невмешательства. Темный, безличный поток
Вечен и не управляем ни по каким законам.

Alt + F4 *

Все разговоры стали уже повторяться.
Только холод все нарастает, но почему-то
Невыносимо страшно и жалко покинуть
Мир, в котором нас постигала неудача за неудачей,
В котором нам нигде, по-настоящему, не было места,
В котором мы ничем не владеем
И ни о чем не должны, казалось, жалеть.

Все стихи без размера и рифмы похожи друг на друга
(С незначительными вариациями). Но рифма
Тоже, конечно, дает лишь видимость цельности и порядка.
Все ненадежно и приблизительно, даже смерть.
Да и словарный запас невелик.
Только во сне преследуют образы расставания и отъезда.
“Niemals!”, - лязгают рельсы, “Jamais!”, - гудят теплоходы,
Ревут и каркают самолеты,
Не понять на каком языке.
Звуки навязывают значения, почти не стесняясь
Дурного вкуса. Музыка тоже снится,
Но много реже, чем бегство. Ты интересен и важен
Лишь самому себе. Как и любой другой.

*Alt + F 4 - обозначение команды в операционной системе WINDOWS-95,
предшествующей выходу из системы и выключению компьютера.

Каждое утро новый день нависает,
Словно предчувствие, что будет еще холоднее,
Словно необходимость. Можно, конечно, еще развлекаться
Сопоставлением смысловых оттенков:
Страха, боязни, испуга, ужаса... Бесполезно
Полагаться на истинность тех или иных суждений.
Да и отрывистость речи лишь создает
Видимость глубокомыслия. Все глаголы
Существуют лишь в сослагательном наклонении. В перспективе
Только корректный выход
Из программы, точнее сказать, - из системы,
Но можно еще подождать... Да и все приевшиеся повторы
Не так уж невыносимы. Только холод гнетет.

Словно уже после жизни (на самом деле во сне), -
Длинный до бесконечности, поглощающий звук коридор,
Ряд ускользящих мнимостей, страх, галогеновый свет -
Вместо гармонии. Тень тени на гладкой стене.
Вместо привычного воздуха - солоноватый раствор
Неразделенного времени. Словно в единый пакет

Все упаковано заново, словно бы встроен словарь
В чью-то программу, но речь все не дается никак.
Вместо повторов и пауз - лишь бесконечный поток
Скользкого существования. Сколько ни ройся, ни шарь -
Нет ни единой подробности. Каждый пробел или знак
Накрепко слипся с другими и потому - одинок.

Образа не распознать, членораздельная речь
Не выделяется в гуле каких-то неоновых ламп.
Что начиналось с неясностей, так и не стало ни чем.
Только горчит побуждение из пустоты перетечь
В новую пустоту. Чей-то шаблон или штамп
Ждет материала. Но сон глух, неподвижен и нем.

Слишком аморфная тяжесть, слишком расплывчатый свет.
Вместо разрыва - уклон той бесконечной кривой,
Что убывает, скользят, тянется, тает, течет...
Все, что теперь размагнитилось, сразу и сходит на нет.
Сбоем случайной программы - глупой, цветной, игровой -
Стало забвение. Словно нырнул с головой
В жидкую соль, ничего не принимая в расчет...

В пустом, захламленном классе

Вечность спрягает неправильные глаголы:

To lose, to forget, to forgive...

Пустота, непричастность, отверженность вставлены

в жесткую рамку

Грамматических и синтаксических правил,

Сохраняющих нас при жизни и, видимо, после...

Звуковые волны устали бежать, замерзла поверхность

Реки, отделяющей все живое

От неизвестного... Штрихи бесшумного мела

Становятся гуще. Несостоявшаяся возможность

Как сумма всех завершившихся обстоятельств

Блестит полоской заката

На пыльных оконных стеклах. Процесс извлечения смысла

Порождает лишь формулу вежливого отказа

От участия в обсуждении. Лишь углекислый холод

Принимает безличную форму. Тяжелый воздух

Угнетает бессодержательностью свободы.

Список всех отступлений от правил

Закончен и больше не подлежит пересмотру...

А говорили: уснуть и, может быть, видеть сны...

Как одиночество после концерта или спектакля,
Точки, отточия, паузы... Так что на каждом шагу
К ним прибегаешь, словно последние силы иссякли...
Вечер зарыт в глубоком снегу.

Нет, несмотря ни на что, чем-то неопределенным
Не ограничиться. Видишь: ночь совмещает миры,
Как на экране. Вживайся, действуй теперь по законам
Этой интерактивной игры.

Было ошибкой в программе, казалось случайным итогом...
И невозможно загадывать больше, чем на день вперед...
Каждое слово звучит и хлопчет сразу о многом.
Неразличимы значения за неизбежным порогом,
Главное - раньше тебя умрет...

Не мудрость приходит с годами, а лишь осторожность и скрытность.
Значения не установлены, случайны знаки и числа.
Так что любая форма, тип или разновидность
Сообщения - заведомо не имеет смысла.

Молчание обозначает сухость и однозначность.
Уже не хватает сил на всяческие перестановки.
Лишь свет пустого экрана и ледяная прозрачность
Предполагает сходство в деталях и прорисовке

С уже устаревшим планом. Каплей адреналина,
Жизнебоязнию, жестким синтаксисом, застоєм
Переполняется чаша. Ничтожна любая причина
И стенки дней покрыты густым известковым слоем.

Как театральный или, скорее, школьный звонок,
Холод и недостаток воздуха по утрам.
Страшен не этот мир, в котором ты одинок -
Страшен и непонятен прежде всего ты сам.
Шаткий, словно опора выбита из-под ног,
Шаг, приученный к слякоти и проходным дворам,
Главное, никуда не ведет... Виток
Перегоревшей спирали, омертвевший вольфрам
Не прибавляет света, не облегчает глазам
Чтения. Бесплезно угадывать между строк
Что означает растущая не по дням, а, увы, по часам
Зависть и ненависть к жизни, прожить которую так и не смог...

Нет, в самом деле, не нужно ни воздуха, ни влаги.
Только сухие сцепления корней в каменистом грунте.
Только скрипучие петли пера на остистой бумаге
В безвременье, назывные фразы. При этом коротком шаге
Не применимы ни плюсквамперфект, ни герундий.

Жесткая сухость, сухая жесткость, кашель пространства,
Скрип непонятной орбиты, трение, запах гари...
Только на слабых намеках держится постоянство
Смысла, который склонен меняться при каждом ударе
Пульса, лишаясь пристанища и гражданства.
Только сцепление звуков. Спряжение. *Erro...errare...*

Словно тоска по крымским асфоделям,
Посвященным Прозерпине, ею же осененным,
По всей средиземной пене, по узким чешуйкам
Серебристых олив, по известковым долинам, -
Речь, изначально требующая правильного размера,
Впрочем, почти недоступного... Шорох согласных
В перегорающей лампочке, в мебельном скрипе
Замкнутого пространства... Плеск исключений из правил
Переполняет чашу обесцвеченного залива.
Осталось так мало слов, что каждое, разветвляясь,
Переплетается с иноязычным гулом
Смешанного, местами мертвого леса...
Тяжесть рождает силу, легкость - только разлуку
С прежними берегами. Ясность тоскует о камне
С прожилками извести. Целостность и конечность
Раковины с эгейскими завитками
Видимо, не для нас... Любые таблицы
Сохраняют только пробелы. Ни горный воздух,
Ни йодистый запах отлива не заменяют
Прочности существования в настоящем,
Завершенности действия, действительного залога
Простого глагола, привязки к местности, вечных привычек,
Возможности бессловесной жизни.

Пока зовешься по имени, пока в каких-нибудь списках
Занимаешь положенный номер, пока сохраняешь
Равновесие между да и нет, - невозможно
Безнаказанно перемещаться с севера к югу,
С запада на восток... Непоправимым
Становится каждый шаг... Только пар клубится
Над оттаявшей почвой и наливается кровью
Закат, предвещающий сильный ветер...

Иссякли волнения, осталась лишь трезвая воля,
Отчетливый свет, привычка к рассудочному порядку.
Попискивает компьютер в режиме лексического контроля,
Любое новое слово принимая за опечатку.

Чем больше живешь, тем больше пахнет простудой или тревогой
Любая неправильность, любая альтернатива.
Нечистая муть оседает во сне, и лучше ее не трогай -
Навалятся старые страхи. От Лахтинского разлива

Туман наползает на Гавань, рождая томление духа,
Не хуже, чем в детстве, когда любой непонятный стук или шорох
Пронизывал ужасом, тоской первобытного слуха
И жалкой верой, осевшей грязью в узких зазорах

Между не бывшим и будущим. И, словно бетонные плиты,
Предчувствие и память легли громоздкой основой
Всего, что еще не достроено. Наглухо окна закрыты.
В ложном воспоминании вся жизнь не кажется новой.

И слаще вина и табачного дыма стали повторы.
Впрочем, словарь подключен и возможны корректировки.
Вместо натуры - привычка, и не нужно другой опоры,
И только для виду еще продолжают перестановки,

Не нарушающие ни сути, ни обихода
Заданной повседневности. Как у улитки, хрупок
Панцирь обычных обозначений: **воля, свобода,**
Необходимость, судьба, в конечном счете, **поступок.**

3. НА БЕРЕГУ ЗАМЕРЗАЮЩЕГО ЗАЛИВА

Запах подгнившего лука вдоль опустевших рядов
Вечернего рынка, вязкая плоть названий,
Перечисления, след, вдавленный в свежий бетон...
Как шелуха на ветру, трепещет каждое слово,
Не прилипая к другим. Весь этот мир не готов
Стать многомерным. Кружки и точки на нотном стане
Предполагают голос. Со всех сторон
Ночь надвигается, и повторяется снова

Старая песня. Лишь ветер разносит труху
Обозначений. Темные доски прилавка
Вытянуты, как строчки на вылинявшем листе, -
Так же прерывисты и так же шероховаты.
Сколько еще проживешь, будет всегда на слуху
Этот припев. Осталась лишь та или иная поправка,
Впрочем, легко объяснимая стремлением к простоте.
Долгие паузы, белый звук, перехваты,

Кнопки и клапаны...Что же, в конце-то концов,
Нас разлучило с прошедшим? Какая основа
Тлеет, гниет и ломается? Где-то вверху
Тучи над городом, клочья слежавшейся ваты,
Копоть и пыль между рамами. Что за улов
В мутной воде превращений? Что, в самом деле, такого
В хриплой мелодии? Да и какому стиху
Можно доверить смятение, трепет и запах утраты?

Одиночество белых светильников
ночью, в конце ноября,
На простуженной улице, -
может сравниться с твоим,
Но еще холоднее и глуше.
И в воздухе грузно паря,
Расплываются влажные пятна.
И вряд ли осуществим

Изначально навязанный замысел...
Лучше бы не продолжать...
Лишь холодное пламя запаяно
в толщу стеклянных шаров.
Только за день подтаявший снег
покрывается коркой опять
И любой посторонний взгляд
подозрителен и суров.

Остается при всех обстоятельства,
даже себе вопреки,
Отзвук прежних речей,
но слова почему-то не те.
Не благая, не лживая весть, -
лишь одни световые пучки
По пустому пространству расходятся,
тают в густой темноте.

Среди новостроек темнее, чем в городе, ночь.
Трепещут огни в перекличке - иначе зачем и гореть им!
Розетки проверь, кабинет, уходя, обесточь,
Как будто бы что-то другое последует сразу за этим...

Ни звезды, ни окна, ни редкие здесь фонари
Тебе не ответят - какому двоичному коду
Доверена мертвая злоба, светящаяся изнутри,
Собой заменившая радость, рассудок, покой и свободу.

Остаться, уйти, задержаться, - любой нарисованный знак
Легко заменить на обратный... Лишь окна со скоростью света
Разносят какие-то вести... И воздух обвис и обмяк,
И ждешь разъяснений, подсказки, хотя бы совета.

* * *

Ни одно слово не стоит того,
чтобы сказать его вслух.
Ни одна мысль не стоит того,
чтобы ее продолжать.
Ни одна жизнь не стоит больше,
чем тополиный пух,
Слетающий на асфальт
и летящий опять и опять,

Так и не отыскав
клочка непокрытой земли.
Будущее бесплодно.
Настоящего вовсе нет.
Ночью все величины
помножены на нули.
Утром озноб и жажда
льются в узкий просвет

Между выгоревшими шторами.
Случайны, как все мы здесь,
Последовательность событий
или порядок страниц.
Лишь страх и желание жить
образуют едкую смесь,
Сжигая ржавую волю.
И мир ограничен и весь
Готов лишь к единственной жизни,
как одноразовый шприц.

Словно пушистая сажа
На отдушине, словно жирная паутина
На потрескавшейся стене,
Заросли мерзлой травы. Фрагменты пригородного пейзажа.
Небу, как пленке или экрану, давно уже все едино.
Все отражает поверхность и нет ничего в глубине

Взгляда на полумертвую перспективу.
И ни к чему не привязан, на самом деле,
Ледяной объектив.
Лишь прибавляется сырости ближе к заливу,
Лишь почерневшие листья с прибрежных кустов облетели
И унеслись никуда, ничего по дороге не зацепив.

Что называлось душой - было болотным паром,
Газом, горючим и синеватым,
Может быть, спиртом. Размяк
Глинистый грунт. Дается не даром
Равнодушие ко всяческим координатам.
Впрочем, неплохо и так.

Зрение заменяет наличие цели,
Точность - наличие смысла.
Только бы задержаться на этом отрезке прямой.
Только подольше бы все продлилось, хотя бы и на пределе,
Только бы дождь не пошел, только бы окончательно не раскисла
Грунтовая дорога,
По которой нужно еще вернуться домой...

Убывает осеннее время, сжимается в черную точку
Темно-серый садово-парковый вечер на шелковистой подкладке,
Так что каждая тень вызывает жалость,
Независимо от скрипучего ветра
И колючей влаги, почти нестерпимой для глаз.

Конечность и неповторяемость каждой капли
Падающей воды, такой же солоноватой,
Как условно-литературные слезы,
Уподобляет ее любому из нас,
Больше того, - любому растению или предмету,
Отчего и воздух пропитывается обидой
И любое стекло превращается в зеркало, отражая
Лишь проходящее. И ничего неизменного нет
Ни в доступном для зрения, слуха и осязания мире,
Ни в тебе самом.

Трепещущая осина или плакучая ива
Обозначают то страх, то горечь, то смуту,
Овладевшую воздухом. Небо все так же плачет,
Как полтора столетия назад,
Как на любом языке. Но чем тревожнее нота,
Пронзительнее и чище, тем, кажется, меньше
И правды, и смысла... А, впрочем, в конечном счете,
Все одинаково затихает,
Смешивается в единый поток и вливается в ночь...

Письмо на чужом языке, в машинном
приблизительном переводе,
Унифицированный порядок
оформления примечаний, -
Напоминают об осени,
холоде, несвободе,
Точно так же, как вечер,
пустой, сероватый, ранний.

От перемены мест слагаемых
не изменилась сумма
Сырых словесных конструкций
и горьковато-соленого дыма.
Медленно жизнь проходит,
как на экране, без шума,
Так же двусмысленна, солоновата
и так же невосполнима...

Нет ничего за рамками текста,
а если когда-то и было -
Всю эту невербальную слякоть
ты сам ненавидел с детства.
Но постепенно иссякают
и кровь, и вода, и чернила.
И против солоноватой сухости
нет никакого средства.

Так застывает случайный порядок
слов - прокисшая влага
Всех побуждений и сожалений -
и остается в осадке
Ужас перед концом,
недописанная бумага,
Запах осеннего дыма,
черновики, заметки, закладки...

Словно речной туман над заболоченными берегами,
В окружении ровной низменности, обволакивающей перспективу, -
Звуки убогой речи, тяготеющей к пентатонной гамме,
Медленный двухвагонный трамвай, ползущий к Лахтинскому разливу.

Пахнет Волгой, Уралом, черными клавишами, Китаем...
По утрам растворяет согласные финно-угорская влага.
Что тебе в этом? Каждый маршрут по-своему неисчерпаем.
В каждой капле дождя уравновешены зло и благо.

Этот весенний туман. - словно речь, убогая и прямая.
Музыка здесь не при чем. Достаточно беспричинной злости.
Тянется фраза, словно трамвай, на сравнениях вечно хромая.
Жаждают тепла желтоватые клавиши из слоновой кости.

Сливочное, молочное утро. Холод от Охты до Лахты.
Только считай повороты дороги: yksi, kaksi, kolme...*
Даль началась таможенным флагом, грузной тенью брандвахты,
А закончится где-нибудь в Гельсингфорсе, скорее даже в Стокгольме.

*Один, два, три... (финск.)

На ветру, в темноте, лишенной всяких подробностей и примет,
Так что только холод, сырость и скользкая грязь под ногами,
Нет ни прошлого, ни, тем более, будущего и нет
Вообще ничего, что было бы как-то связано с нами.

Да и вход в долгожданный подъезд по щелчку тугого кодового замка
Ничего не изменит по сути, лишь станет теплее и суше.
Жизнь все так же враждебна и так бессмысленно далека,
Что она не твоя, а чужая, чем дальше, тем злее и глуше.

И пока с вероятностью, отличной, все-таки, от нуля,
Ожидается продолжение, ищешь на ощупь, как будто впервые,
То ли ключ, то ли адрес... Снаружи - какие-то пригороды, поля,
Облетевшие рощи, черт знает что, неопознанная земля,
Торфяная дорога, Шувалово, Ржевка, Пороховые...

Снег перемешан с грязью у входа в метро.
Рыночная, торговая толчея.
Словно монетка, поставленная на ребро,
Жизнь неустойчива и непонятно, чья.

Если чужая, так что тебе до нее,
Если своя, так тем более... Впрочем, твоя ли она?
Речи о смысле - только мистическое вранье,
Жажда устойчивости - трусостью порождена.

Стоит назваться по имени - сразу же станешь другим,
А безымянная спячка, особенно если зимой,
Так же легка и расплывчата, как сизоватый дым
Над подожженным мусором. Да и в самой

Этой пустой безымянности, в вечной толпе
Прок невелик и возможность скрыться невелика.
Дело не в том, что кто-то другой уподоблен тебе.
В том-то и дело, что нет у тебя двойника.

Сходит на эскалатор зябнувший аноним.
Тяжесть и холод единственного числа
Зимним пальто обвисают. А все, что было за ним,
Встречным потоком толпа, словно волна, унесла...

На берегу замерзающего залива
Чайки воют с воронами за жизненное пространство.
(Свалки все так же обильны, а деревья давно облетели).
В самом начале зимы природа не суетлива.
Только птичьи склоки и мелкое хулиганство.
Вся остальная жизнь задремала и теплится еле- еле.

Да, чтобы быть уже совершенно точным,
Голуби и воробьи дополняют картину
Возни у мусорных баков.
Существование было бы слишком непрочным,
Если бы не было придумано наполовину.
Впрочем, процент фантазии не одинаков

Утром и вечером. Жажда подлинности и порядка
Ищет - и чаще всего находит - опору
В утреннем холоде, спешке, привычной сноровке.
Набережная пустеет. Шумит строительная площадка.
Дальше - уже начинается город. И жметя к забору
Стая бродячих собак на пустыре у автобусной остановки...

Прошлое и настоящее - все в одинаковой дымке,
В сырости невской воды, в пятнах известки и мела.
Не узнавая себя, смотрим на старые снимки,
Словно в холодное зеркало, только стекло помутнело.

Преувеличена грусть, а холод слегка преуменьшен.
Что вспоминать о несказанном и навсегда недопетом?
Все мы, как оказалось, были всего лишь Luftmenschen,
Да и, конечно, остались. И хватит об этом!

Город напрасно гоняет квадриги по узкому кругу.
Все оказалось чужим и ничто здесь отныне не свято.
Люди и камни давно изменили друг другу.
И ни крупницей души... - Впрочем, это всего лишь цитата.

Не потому ли и старые песни заглохли, не потому ли
Только слова сохранились - ни почвы, ни крови, ни плоти?
Вечером в черном канале чьи-то огни потонули.
И коченеют осенние листья в предсмертном полете.

Раньше обычного наступили снегопады и холода.
Анамнез или диагноз недрогнувшей ледяной рукой,
Мелом по черной поверхности, пишет зима, ассоциируясь, как всегда,
Со старостью, смертью, болезнью - общей, твоей или чьей-то другой.

Имя пока не придумано, лучше оставить пробел.
Только мокрый снег налипает на свежевыкрашенный фасад.
«Увы, куда исчезли все мои годы!» - сказал, точнее, пропел
Кто-то из миннезингеров* лет восемьсот назад.

Мерзлые листья на мостовой, будто мертвые времена
Бесследно пропавших лет, будто ушел последний трамвай.
Помни только, что соль в бесформенной влаге вечно растворена,
И смысловым совпадениям особого веса не придавай.

Потому что для их описания нет подходящего языка,
Потому что язык не то же самое, как известно, что речь,
Потому что разница между полным счастьем и полным несчастьем
настолько невелика,
Что ею при расчетах можно практически пренебречь.

*Walther von der Vogelweide (1160/70 - 1230) - «Owe war sint verswunden alle mine iar».

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗЪЕДАЮЩИЙ ПРИВКУС ПРОЩАНИЯ	2
«Черной глиною осень замешена круто»	3
«Как синеватая скрепка из нержавеющей стали...»	5
«Клейкая лента...»	6
«Как пар из термоса на пригородной лыжне...»	7
«Все воспоминанья - тщетные попытки»	8
«Духовые оркестры у станций метро...»	9
«Напоминает о юге темная медь кипарисов»	10
«Вырвана с мясом мембрана из телефонной трубки»	11
1991 год	12
«В оттаявших лужах стоит вода»	14
«Нищенская блок-флейта в подземном переходе...»	15
СТЕРТЫЕ ФАЙЛЫ	16
«Прошлые годы, стертые файлы, тусклый экран»	17
«Дольше всего остается в памяти вкус табачного дыма»	18
«Стихающий ветер времени посвистывает в щели...»	19
Alt + F4	20
«Словно уже после жизни...»	22
«В пустом, захламленном классе...»	23
«Как одиночество после концерта или спектакля...»	24
«Не мудрость приходит с годами, а лишь осторожность и скрытность»	25
«Как театральный или, скорее, школьный звонок...»	26
«Нет, в самом деле, не нужно ни воздуха, ни влаги»	27
«Словно тоска по крымским асфоделям...»	28
«Иссякли волнения, осталась лишь трезвая воля...»	29
НА БЕРЕГУ ЗАМЕРЗАЮЩЕГО ЗАЛИВА	30
«Запах подгнившего лука вдоль опустевших рядов...»	31
«Одиночество белых светильников...»	32
«Среди новостроек темнее, чем в городе, ночь»	33
«Ни одно слово не стоит того...»	34
«Словно пушистая сажа...»	35

«Убывает осеннее время...»	36
«Письмо на чужом языке...»	37
«Словно речной туман над заболоченными берегами...»	39
«На ветру, в темноте, лишенной всяких подробностей и примет...»	40
«Снег перемешан с грязью у входа в метро»	42
«На берегу замерзающего залива...»	43
«Прошлое и настоящее – все в одинаковой дымке»	44
«Раньше обычного наступили снегопады и холода»	45